

Глава 3 Шестой год Шэньчу

Беженцы входят в город

18+ в главе присутствуют описания множественного убийства

В двенадцать лет Чжэнь Вэньцзюнь ещё не звали Чжэнь Вэньцзюнь, у неё было самое обычное имя - «А-Лай».

Тогда её легендарная жизнь только начинала разворачиваться.

Ранней зимой шестого года Шэньчу, в великой глуши.

В северо-западной крепости Великой Юй, в уезде Цисянь, Суйчуань.

Холодная ночь, серый снег и свирепый ледяной ветер. Городские ворота Цисяня были наглухо закрыты, а поля за стенами усеяны трупами. Беженцы, спасающиеся от войны на северо-западе, не собирались уходить.

На городских стенах полыхали факелы, камни были готовы сорваться с зубцов, арбалеты нацелены из бойниц.

Начальник уезда Сунь Минъи, держа факел, смотрел вниз со стены. В кромешной тьме он видел, как обледеневшие трупы медленно уплывают по рву, но ещё больше беженцев, невзирая на ледяную воду, бросались в неё с противоположного берега, ломая тонкий лёд, и волна за волной устремлялись к стенам.

У подножия стен широкая кольцевая дорога кишела движущимися головами. Плач, мольбы и удары в городские ворота не умолкали ни днём ни ночью, сея панику среди горожан. Эти беженцы осаждали город три дня и не уходили, несмотря на ругань, попытки прогнать и даже угрозы.

Мешки с едой, брошенные со стен в сумерках, давно были расхvatаны. Всё больше беженцев с северо-запада блокировали ворота и ров. Вчера из рва выловили более десятка утонувших, однако новые беженцы, не пугаясь угрозы смерти, продолжали осаждать и даже пытаться штурмовать город.

Уезд Цисянь был ключевым проходом в северо-западном нагорье, с невероятно высокими стенами. Эти беженцы, хотя и не обученные военному делу, карабкались на стены голыми руками, чтобы выжить. Некоторые даже организовывали живые лестницы. В темноте плотные чёрные тени цеплялись за стены, как муравьи, постоянно карабкаясь вверх.

- Камни вниз!

По команде Сунь Минъи закованные в доспехи солдаты взмахнули большими мечами и перерубили верёвки, удерживающие камни-катки. Тяжёлые камни с грохотом покатались вниз по стенам, сметая чёрные точки, карабкавшиеся вверх. Камни ударились о землю с громоподобным звуком, сотрясая её и превращая людей в месиво. На мгновение беженцы, измученные бегством, пришли в замешательство.

Кровь стекала по ступеням, где катились камни, воздух наполнился криками агонии. Вскоре уцелевшие беженцы снова собрались. Их мозолистые и грязные ноги топтали кровавые останки и стекались к основанию высоких стен, продолжая колотить в ворота и строить живые

лестницы для штурма.

Эти беженцы, отчаянно нуждающиеся в еде, лезли на стены безрассудно. В их глазах город был полон тёплых факелов и вкусной еды. Стоило только преодолеть эти высокие стены, и можно было пировать. Каждый был сведён с ума голодом. Все они были словно волки, бросающиеся на добычу.

Сунь Минъи, бывалый воин, участвовавший в бесчисленных сражениях, всё равно содрогался при виде этих беженцев, обезумевших от голода. Их крики леденили душу.

Даже павшие солдаты не были такими.

Он убивал беженцев всю ночь, не видя признаков отступления. На рассвете началась новая атака. Сунь Минъи одной рукой поднял командный флаг и скомандовал:

- Огонь!

Зазвучали громкие барабаны, и двести лучников уже собирались выпустить стрелы, готовые к тому, чтобы их смазали маслом. Внезапно громкий крик пронзил ветер и снег:

- Стойте!

Сунь Минъи успел обернуться, чтобы увидеть, как этот высокий мужчина, прорвавший оборону солдат, схватил командный флаг. Мужчина с силой попытался вырвать флаг. Сунь Минъи, ветеран многих битв, легко нарушил равновесие мужчины ответным рывком. Два солдата шагнули вперёд, копыя скрестились, образовав замок на шее мужчины, и сильно ударили его по спине, заставив вскрикнуть от боли. В мгновение ока он был пригвождён к земле, и когда его подбородок уже готов был удариться о землю, он поспешно выкрикнул:

- Постойте, начальник уезда! Я Се Суйшань!

Сунь Минъи был озадачен:

- Господин Се?

При свете факелов он наконец разглядел, что мужчина и вправду был Се Суйшанем, старшим сыном Се Тайхана, главы округа Суйчуань.

Солдаты убрали копыя, и Сунь Минъи спросил:

- Что привело вас сюда?

Се Суйшань оттолкнул солдат позади себя, достал из рукава жетон и протянул его Сунь Минъи:

- Что вы думаете, я здесь делаю?! Увидеть этот жетон - всё равно что увидеть самого главу округа! Сунь Минъи, как ты смеешь безжалостно истреблять своих же соотечественников?! Это настоящее пренебрежение человеческой жизнью!

Сунь Минъи, с непроницаемым лицом и глазами, отражавшими холодный свет, парировал:

- Позвольте спросить, господин Се, каким образом я истреблял соотечественников? Каким образом я пренебрегал человеческой жизнью?!

Се Суйшань указал на трупы под стенами:

- Доказательства прямо перед твоими глазами. Тебе ещё есть что сказать? Ты держал ворота закрытыми, давая нашим соотечественникам умирать с голоду за стенами. Разве это не пренебрежение человеческой жизнью? Это не бандиты, а жалкие люди, пережившие голод! Они прошли тысячи ли до Цисяня только ради того, чтобы выпросить еду для себя и своих семей! Общественные зернохранилища Цисяня полны, почему ты не можешь открыть ворота и спасти их жизни? Вместо этого ты прибегаешь к столь жестоким мерам!

Сунь Минъи был ошеломлён:

- Полные зернохранилища? Ты называешь те полупустые зернохранилища полными? Давайте даже не будем говорить о том, что эти беженцы - жертвы голода, спасающиеся от войн на северо-западе, и принадлежат к племени Сичжоу, то есть они даже не из нашего народа. Чтобы прокормить более двадцати тысяч человек, требуется огромное количество зерна. Если правительство Цисяня не обеспечит достаточное количество продовольствия, представляете, к чему приведут беспорядки с участием беженцев?

- Есть не только общественные зернохранилища, но и частные хранилища горожан! Сичжоу граничит с нашей Великой Юй и всегда было вассальным государством. В сущности, его народ - тоже наш народ! Будь то общественные или частные, мы должны открыть зернохранилища и раздать зерно, чтобы спасти наших людей! Как ты можешь позволить им замерзнуть и голодать за стенами? Людские сердца сделаны из плоти. Если мы дадим им сейчас горячую еду, они запомнят это навеки. Тебе следует смотреть на долгосрочные выгоды, а не на сиюминутные. Зерно можно восполнить, но если потерять сердца людей, то их будет трудно вернуть. Впуская беженцев в город, я беру на себя ответственность за любые последствия!

Излияние Се Суйшаня выплеснуло наружу его давнее разочарование.

Сунь Минъи, полагаясь на свою военную власть, даже не посоветовался с его отцом, прежде чем развернуть войска для истребления беженцев. Цисянь был всего лишь уездом под юрисдикцией округа Суйчуань. Как начальник уезда мог принимать такое важное решение, не посоветовавшись с главой округа Суйчуаня? Это было вопиющим пренебрежением к семье Се. Такая наглость заслуживала наказания. Разобравшись с проблемой беженцев, он заставит отца подать доклад с обвинением Сунь Минъи и сослать его в Ичжоу.

В конечном счёте, разобраться с Сунь Минъи было делом второстепенным. Более важным была заслуга.

Хотя официального указа пока не было, число беженцев росло с каждым днём, и император точно скоро издаст указ всем уездам открыть зернохранилища для помощи пострадавшим и принимать беженцев. Если Суйчуань сможет проявить инициативу, положение его отца в столице укрепитя, когда он отчитается перед двором в следующем году. Это был решающий шаг для семьи Се, и, как старший сын, он должен был действовать умело, заслужив уважение отца и не дав ему сказать, что мужчины Се уступают женщинам.

Факел над ними раскачивался на ветру, изредка разбрасывая искры. Сунь Минъи молча наблюдал за юным, агрессивным лицом Се Суйшаня. Его борода, влажная от снега, была белой, а потрескавшиеся, грубые губы слегка дрожали.

- Хорошо, - ответ Сунь Минъи был неожиданно прямолинеен.

Он крикнул измождённым солдатам, которые дни и ночи охраняли ворота без сна:

- Все, по приказу сына главы округа отвести войска и открыть ворота!

Погода на севере и вправду была леденящей, достаточно холодной, чтобы заставить людей дрожать от ощущения, будто на коже образовался слой инея.

Видя, как ворота медленно открываются, тысячи беженцев ринулись внутрь, как мыши и муравьи. Их возбуждённые крики пронзали уши Се Суйшаня.

Он прогнал Сунь Минъи и стоял на вершине стены, но улыбка победы на его лице неожиданно была напряжённой и лишённой уверенности.

Беженцы со звериным голодом отталкивали солдат, топча своих же сограждан из Сичжоу, и втискивались в город, полный надежды. Что они будут здесь делать?

Он должен был признать, что чувство неожиданного страха и неуверенности начало распространяться в его сердце.

Се Суйшань заставил себя успокоиться. Открыть зернохранилища и раздать еду, чтобы спасти людей, было разумным поступком с любой точки зрения.

С детства отец учил его быть добрым. Он шёл праведным путём с сострадательным сердцем, так чего же было беспокоиться?

Когда приблизился рассвет и стало видно, что двадцать тысяч беженцев уже вошли в город, Се Суйшань спустился со стены.

Он приехал один верхом, но теперь увидел там повозку семьи Се. Подумав мгновение, он понял. Как только он собрался двинуться вперёд, молодой офицер окликнул его, спрашивая, как следует расселить беженцев.

Се Суйшань на мгновение заколебался, затем дал указания:

- Сначала разместите пострадавших от бедствия в храме Циншуй на горе Наньшань. Возьми мой жетон, найди настоятеля и попроси его обеспечить беженцев кашей и лапшой. И, как только люди будут размещены, веди своих людей в уездное зернохранилище и доставь тридцать телег зерна в Циншуй, чтобы успокоить беженцев. Понятно?

Молодой офицер принял приказ и ушёл. Се Суйшань поправил одежду и подошёл к повозке, где сидел мужчина средних лет в облачении учёного. Он почтительно приветствовал его и спросил:

- Почему господин Фан приехал в такую погоду?

Этот господин - Фан Юй, второе имя Хуайюань, также известный как господин Юньмэн, признанный учёный и один из пяти мудрецов Суйчуаня. Он также был учителем Се Суйшаня. Три года назад Се Тайхан лично пригласил Юньмэна в семью Се, увидев его красноречие в дебатах. Юньмэн стал советником семьи Се, а позже учителем старшего сына и дочери Се Тайхана.

ПП: Второе имя или «учёное имя» — это дополнительное имя, которое даётся человеку, обычно когда он достигает совершеннолетия. Второе имя призвано быть более формальным и отражать характер и достижения человека. В данном случае второе имя Фан Юя — Хуайюань.

Решение впустить беженцев в город следовало обсудить с Се Тайханом по его возвращении из Яньчжоу. Однако холодная погода уже унесла множество жизней, и преступное равнодушие Сун Минъи предоставило возможность семье Се получить заслугу. Увидев мимолётный шанс, Се Суйшань не смог ждать. Он ухватился за момент, даже несмотря на то, что его учитель был в отъезде с лекциями. После нескольких лет обучения у Юньмэна пришло время ему самому принимать решения и заслужить уважение отца собственными достижениями.

Юньмэн приподнял занавеску повозки и взглянул на беженцев, которых гнали в южную часть города. Низким голосом он спросил:

- Эти беженцы из Сичжоу. Люди Сичжоу всегда были свирепы. Есть ли у тебя план, как их приютить?

Се Суйшань ошеломлённо ответил:

- Даже если они свирепы, они - всего лишь беженцы, ищущие пропитания. Мы открываем зернохранилища не по какой иной причине, кроме как заслужить их благодарность семье Се. У меня есть связи с настоятелем Минхуэем храма Циншуй на горе Наньшань. Он наверняка устроит беженцев. Я верю, что двор скоро издаст указ о выделении средств для помощи пострадавшим, и каждый уезд будет вынужден открыть свои зернохранилища. Раздаваемое нами зерно можно восполнить из других уездов Суйчуаня. Наша дальновидность принесёт реальную заслугу, и, возможно, мой отец будет уполномочен координировать помощь пострадавшим. Помимо средств помощи, важно показать свои заслуги. В последние годы возможности для продвижения перехватывали те военные, а нашей семье Се почти нечего было показать. - Упорядочив мысли, Се Суйшань почувствовал уверенность, и его первоначальные сомнения исчезли.

- Семья Се не может вечно оставаться в этом захолустном Суйчуане. - Покачиваясь в повозке, торжествующая улыбка Се Суйшаня не сходила с его лица. - Позволь мне проложить путь для моего отца.

Храм Таюань, к северу от Цисяня.

Прекрасная женщина, приподняв юбку, осторожно поднялась по ступеням.

Ступени были усеяны засохшими пнями и гниющими деревьями: грязный снег, смытый утром, теперь покрыл их новым слоем. Утренний туман заморозил оставшийся снег, превратив его в лёд, сделав ступени очень скользкими. Женщина внимательно смотрела под ноги, боясь поскользнуться и упасть.

На ней было несколько поношенное одеяние и юбка тёмно-бордового цвета, единственным украшением в волосах служила серебряная шпилька с фениксом и бабочкой. Хотя её наряд был простым, маленькая, изысканная медная грелка для рук, которую она держала в руках, была чем-то необычным, доступным только богатым. Однако она шла медленно, её лицо было омрачено беспокойством, она часто вздыхала.

За ней следовала девочка в простой серой одежде, неся корзину. Девочка лет одиннадцати-двенадцати двигалась легко и постоянно оглядывалась, её яркие глаза, казалось, что-то искали. Чем выше они поднимались, тем больше открывался вид на весь пейзаж Цисяня, включая возвышающиеся городские стены на сером небе.

Девочка слегка нахмурилась, затем перевела бдительный взгляд на безлюдные окрестности.

- А-Лай, - женщина спросила небрежно, не поднимая головы, - А-Сюнь говорила тебе, когда они с отцом вернутся?

Девочка, которую назвали А-Лай, быстро подошла к женщине:

- Четвёртая тётушка, мне не говорили. Они уехали в спешке, а я была снаружи, покупала цветочные горшки, так что не видела их.

Не получив удовлетворительного ответа, Четвёртая тётушка перестала её расспрашивать. Они достигли входа в храм Таюань, откуда вышел молодой монах, чтобы поприветствовать их.

А-Лай всё ещё оглядывалась, и Четвёртая тётушка спросила:

- На что ты смотришь?

А-Лай ответила:

- Четвёртая тётушка, я вижу, что солдаты на стенах ушли, и никто не охраняет ворота. Если беженцы ворвутся в город без разрешения, что мы будем делать? Говорят, эти беженцы агрессивны, и храм Циншуй на горе Наньшань не сможет вместить столько людей. Еды, присланной молодым господином, скоро не станет, и они не будут сидеть сложа руки. Четвёртая тётушка, нам следует поспешить назад. Я чувствую, что снаружи небезопасно.

Четвёртая тётушка слегка повысила голос:

- Ты мыслишь основательнее, чем старший сын семьи Се.

А-Лай на мгновение остолбенела, затем быстро опустила голову и прошептала:

- Я всего лишь служанка, как могу сравниться с молодым господином? Госпожа велела мне напомнить Четвёртой тётушке вернуться пораньше, и она рассказала мне о ситуации в городе.

<http://bllate.org/book/17227/1612163>